

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-167-172

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НЕИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

© Татьяна Прохорова

FEATURES OF FUNCTIONING OF HISTORICAL DISCOURSE IN NON- HISTORICAL PROSE BY EVGENY VODOLAZKIN

Tatyana Prokhorova

The works of E. Vodolazkin, who invariably refers to the historical past in his works, nevertheless defining his prose as “unhistorical”, allow us to raise the question of their specifics with regard to historical discourse functioning. Our analysis is based on E. Vodolazkin’s novels of the 2000s, starting with “Solovyov and Larionov” and up to the latest one – “Chagin”. The aim of the analysis is to consider the writer’s prose as an integral artistic system, which is based on his religious and moral concepts. It is established that in the “big” and “small” history, Vodolazkin is interested in the things that tend to be repeated, that are somehow connected with the moral formation of a personality. The article explores the features of the embodiment of the idea characteristic for the writer: the priority of personal history over universal history, since only the former possesses a spiritual and moral purpose. We reveal the forms of artistic refraction of the spiral-shaped Christian model of time-eternity, formed in the Middle Ages, in Vodolazkin’s prose. From this perspective, we analyze the cross-cutting motifs, the principle of “similarities”, which organizes the system of images and determines the nature of intertextual connections, and the originality of the plot structure of his novels. The article proves that in the novels of Vodolazkin, the world picture is based on the combination of a “view from above”, which makes it possible to understand what is eternal and what is temporary, and a “close-up”, presenting simple phenomena of the earthly world in a stereoscopic image reminding of the eternal. The shift of the emphasis on the details of private existence, the importance of sensory perception of the world, most vividly embodied in the chapters devoted to childhood and found in all the writer’s novels, allows us to conclude that the features of the historical discourse functioning in Vodolazkin’s artistic system are determined by his appeal, so to speak on a new spiral turn, not only to the medieval concepts of time, but also to the experience of sentimentalism.

Keywords: E. Vodolazkin, historical discourse, novel, motive, spiral model, Middle Ages, sentimentalism

Творчество Е. Водолазкина, неизменно обращающегося в своих произведениях к историческому прошлому и тем не менее определяющего свою прозу как «неисторическую», позволяет поставить вопрос о специфике функционирования в ней исторического дискурса. Материалом изучения являются романы Е. Водолазкина 2000-х годов, начиная с «Соловьева и Ларионова» и до последнего на сегодняшний день «Чагина». Анализ подчинен задаче рассмотрения прозы писателя как целостной художественной системы, в основании которой лежит его религиозно-нравственная концепция. Установлено, что в «большой» и в «малой» истории Водолазкина интересует то, чему свойственно повторяться и что так или иначе связано с нравственным формированием личности. В статье исследуются особенности воплощения характерного для писателя представления о приоритете персональной истории над всеобщей, поскольку только первая из них имеет духовную и нравственную цель. Выявляются формы художественного преломления в прозе Водолазкина сформировавшейся в Средневековье христианской модели времени-вечности, напоминающей спираль. Под этим углом зрения рассматриваются сквозные мотивы, принцип «подобий», организующий систему образов, определяющий характер интертекстуальных связей, своеобразие сюжетно-композиционной структуры анализируемых романов. Доказывается, что картина мира в романах Водолазкина строится на совмещении «взгляда сверху», позволяющего понять, что есть вечное, а что временное, и «крупного плана», дающего возможность представить в стереоскопическом изображении простые явления земного мира, в которых выражено напоминание о вечном. Наблюдение о смещении акцента на детали частного существования, о значимости сенсорного восприятия мира, наиболее ярко воплощенного в главах о детстве, присутствующих во всех романах писателя, позволило прийти к выводу, что особенности функционирования исторического

дискурса в художественной системе Водолазкина определяются его обращением, так сказать, на новом витке спирали, не только к средневековой концепции времени, но и к опыту сентиментализма.

Ключевые слова: Е. Водолазкин, исторический дискурс, роман, мотив, модель спирали, Средневековье, сентиментализм

Для цитирования: Прохорова Т.Г. Особенности функционирования исторического дискурса в неисторической прозе Евгения Водолазкина // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 167–172. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-167-172

Первые десятилетия XXI века ознаменовались активизацией интереса к исторической тематике в современной литературе. Исторический дискурс в том или ином виде сегодня присутствует и в массовой, и в немассовой литературе. Отсюда и разнообразие художественных индивидуальностей писателей, обращающихся к историческому прошлому в своих произведениях. Особое место в этом ряду принадлежит Евгению Водолазкину. Ученый-медиевист, прозаик, драматург, мемуарист, в каждой сфере своей деятельности он обращается к прошлому. Это и Древняя Русь, и трагические катаклизмы XX века, и переломные события истории современной. Цель данного исследования – выяснить особенности функционирования исторического дискурса в романах Е. Водолазкина 2000-х годов, начиная с «Соловьева и Ларионова» (2009), принесшего автору известность, до последнего на сегодняшний день «Чагина» (2022).

Важно учитывать, что проза писателя представляет собой целостную художественную систему. Каждый его роман, сохраняя свою неповторимость, связан с предшествующим. В центре внимания писателя неизменно находятся такие понятия, как время, вечность, память. Данное обстоятельство требует выявления в рамках заявленной темы основных принципов работы этой системы, прояснения приемов и форм воплощения авторской концепции времени.

Анализируя отдельные романы писателя, исследователи не раз указывали на совмещение в них линейной и нелинейной временных моделей, на одномоментность существования событий прошлого, настоящего и будущего в его прозе [1], [2]. Сам Е. Водолазкин неоднократно подчеркивал, что история волнует его «только как фон для персонального развития» [3]. Как справедливо было замечено в статье М. В. Бочкиной и М. М. Голубкова, посвященной анализу эстетической и философской системы романа «Авиатор», такой взгляд на историю связан с научной деятельностью писателя как ученого-медиевиста. Е. Водолазкин «привносит в собственную художественную практику» то, что ему близко в средневековой концепции, не признающей при-

чинно-следственных и временных связей, границ между «событиями „историческими“ и „неисторическими“» [4, с. 192].

При этом и в большой, и в персональной истории писателя неизменно интересует то, чему свойственно повторяться и что так или иначе связано с нравственным формированием личности. В самом, пожалуй, автобиографичном романе Водолазкина – «Брисбен» – выражена мысль, которую можно воспринять как одну из формул организации его художественного мира: «жизнь состоит из повторов и параллельных высказываний» [5, с. 159]. Ее воплощение мы наблюдаем практически в каждом его романе, что во многом определяет в них характер сквозных тем и мотивов, интертекстуальных связей, своеобразие сюжетно-композиционной структуры, особенности построения системы образов.

В ходе анализа романа Е. Водолазкина «Лавр» исследователи часто обозначают его пространственно-временную модель в виде круга [1], [6]. Выделенный нами мотив повторов, казалось бы, косвенно подтверждает это, однако, на наш взгляд, по отношению к прозе Е. Водолазкина это положение требует корректировки.

Начнем с «Соловьева и Ларионова», тем более что одним из главных героев здесь является историк. В заглавие произведения вынесены фамилии аспиранта Института российской истории Соловьева и объекта его диссертационной работы, генерала Белой армии Ларионова. При этом граница между событиями жизни генерала, умершего в конце пятидесятых годов XX века, и Соловьева, в то время еще не родившегося, размывается. Роман построен на целой системе повторов отдельных деталей, жизненных ситуаций, биографических фактов: оба главных героя – дети железнодорожников, железная дорога сыграла важную роль в их ощущении времени и пространства; оба занимаются изучением истории (работа генерала над мемуарами понимается им как «труд историка» [7, с. 129]), причем каждого из них прежде всего интересует история личности, вопросы жизни и смерти; оба испытывают «ощущение дежавю» [Там же, с. 42, 128–129]. Молодой историк снимает квартиру неподалеку

от того дома в Петербурге, где прошло детство генерала; исследовательский поиск привел аспиранта в те места, где завершилась военная карьера, а позже и жизнь его «подопечного»; в Крыму он встречается с людьми, которые лично знали Ларионова. А в конце романа неожиданно выясняется, что подруга детства Соловьева, та самая Лиза, которая выросла вместе с ним на безвестной станции 715 километр, является внучкой генерала Ларионова. И все же, несмотря на то что сюжетно-композиционная структура произведения наглядно демонстрирует *«силу связанности всего на свете»* [Там же, с. 254], в романе выражена мысль, что всякое подобие *«открывает иное измерение, намекает на истинную перспективу, без которой взгляд непременно уперся бы в стену»* [Там же, с. 22] (разрядка моя. – Т. П.).

Эта мысль о подобии уточняется в романе-житии «Лавр», действие в котором разворачивается в эпоху Средневековья. Устами старца Иннокентия здесь дается определение христианской модели времени-вечности, напоминающей спираль: *«Это повторение, но на каком-то новом, более высоком уровне», «С памятью о пережитом прежде. <...>»* [8, с. 376]. И далее дается очень важное уточнение: *«повторения даны для преодоления времени и нашего спасения»* [Там же, с. 377]. Эта идея варьируется и в других романах Водолазкина. К спасению его героев ведет нравственный и духовный поиск. На уровне системы образов идея спасения воплощается через мотив «подобий». В «Лавре» главный герой сознает себя то продолжением своего деда Христофора, то его погибшей возлюбленной Устины, за которую он должен прожить жизнь, искупая свою вину перед ней; в период хождений своеобразным «подобием» героя становится его спутник – итальянец Амброджо, после гибели которого он принимает его имя – Амвросий; наконец, современный фрагмент романа, где действие из Средневековья переносится в 70-е годы XX века, позволяет увидеть еще одно «подобие» главного героя – это историк Юрий Строев, пишущий диссертацию, посвященную раннему русскому летописанию.

«Подобия», намекающие на перспективу, в прозе Водолазкина нередко подчеркиваются через повтор имен. В этом плане следует особо выделить повторение имени Анастасия, которое мы встречаем и в «Лавре», и – дважды – в «Авиаторе». Значения этого имени – ‘воскресшая’, ‘бессмертная’, ‘возвращенная к жизни’ – указывают на один из ключевых сюжетобразующих мотивов прозы Водолазкина. Он воплощается в судьбах главных героев таких разных романов, как

«Лавр», «Авиатор», «Чагин». Этот мотив можно рассматривать как одно из воплощений все той же христианской модели спирали, обозначающей путь к спасению.

С мотивом возвращения к жизни, воскресения в творчестве Водолазкина тесно связан и другой сквозной, концептуально важный мотив – суда совести. Герои всех его романов неизменно ищут выход из замкнутого «круга». Потребность в искуплении греха, как и готовность простить, – способы его разомкнуть, превратив в спираль.

Стремление к «преодолению времени» проявляется и через интертекстуальные связи. Отсюда – появление в ряду «подобий» литературных и библейских персонажей. Так, у главного героя «Авиатора» их как минимум три: Лазарь, Адам и Робинзон Крузо. Жертва медицинского эксперимента по искусственному замораживанию живого человеческого организма, который проводился в лагере на Соловках в 1920-е годы, Платонов чудом выжил и воскрес в 1990-е. В результате Лазарь-Иннокентий одновременно оказывается и в роли Адама (он сознает себя единственным человеком своего времени), и в ситуации Робинзона, который учится жить, так сказать, с чистого листа.

В романе «Чагин», в котором принцип «подобий» объединяет не только главных, но и второстепенных, и даже эпизодических героев, в ряду библейских и литературных аллюзий особенно важны античные. Об этом говорит уже эпиграф – цитата из стихотворения И. Бродского «Одиссей Телемаху». Закономерно, что в ряду «подобий» архивиста Исидора Чагина, помимо его молодого коллеги Павла Мещерского, также оказываются открывший Трою историк Шлиман и герои Гомера. Поэма «Одиссей», которую перед смертью писал Чагин, свидетельствует о мучительном изживании им греха, совершенного в юности, когда он подчинился влиянию двух «змеев-искусителей» – двух Николаев – и дал согласие стать осведомителем. Его поэма отражает путь возвращения героем нравственной чистоты, а следовательно, и путь домой, возвращение к себе истинному. Здесь на античный аллюзивный слой накладывается библейский: фактически перед нами новая вариация еще одного сквозного в прозе Е. Водолазкина мотива возвращения блудного сына. В одном интервью писатель сказал: *«покаяние <...> Преодолевает прошлое, то есть снимает с человека <...> груз совершенных в прошлом грехов <...>»* [9]. Эти слова можно отнести не только к Чагину, но и к Лавру из одноименного романа, и к Иннокентию Платонову из «Авиатора». Каждый из них прошел трудный

путь, ведущий к нравственному преображению, к обретению внутренней свободы.

Персональная и всеобщая история соотносятся у Водолазкина с понятиями «время» и «вечность». Духовный поиск его главных героев определяется постижением вечных нравственных и духовных констант. Именно на этом пути, как сказано в «Лавре», отдельные части, казалось бы, рассыпавшейся «*мозаики жизни*» [8, с. 402] объединяются, поскольку персональная история имеет духовную и нравственную цель – спасение. Большая история, напротив, привязана к хронологическому времени, поэтому то, что принято считать историческими вехами, в итоге оказывается временным, преходящим. Еще в романе «Соловьев и Ларионов» научный руководитель главного героя профессор Никольский утверждал, что по отношению к всеобщей истории неправомерно использовать понятие «прогресс», если только не признавать, что с каждым веком уничтожается все большее количество людей (см.: [7, с. 340]).

Наиболее наглядно такое соотношение временного и вечного обнаруживает себя в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова», представляющем собой синтез хроникальности и житийности. Казалось бы, большая история здесь является главным героем произведения. Жанрово-стилевая форма имитирует летописную хронику, движение времени измеряется сменой правителей вымышленного Острова-государства. Однако имитация достоверности лишь усиливает относительность всего происходящего. Даже время утрачивает свою определенность, поскольку точки его отсчета меняются: если вначале исторические события датируются годом правления того или иного князя, то после «*Великой Островной Революции*» она сама становится точкой отсчета нового времени, а главной «*константой*» объявлен «*Председатель Острова*», «*Его Светлейшая Будущность Касьян*», о чем золотыми буквами свидетельствовала надпись, встречающая «*всякого входившего в университет*» [9, с. 226]. При воссоздании истории Острова Е. Водолазкин активно использует иронию, гротеск, приемы намеренной абсурдизации событий, тем не менее в ней легко угадываются реалии нашей отечественной истории. Заметен и литературный след, в который при этом вступает Е. Водолазкин, – «История одного города» Салтыкова-Щедрина. Но, в отличие от своего предшественника, современный автор недаром выносит в заглавие слово «оправдание». Внутренний сюжет романа Е. Водолазкина направляется поиском пути к спасению, а оно, в свою очередь,

предполагает личный выбор человека в его устремленности к добру, к Богу.

В системе образов романа выделяются два праведника – Парфений и Ксения, с которыми и связана житийность повествования. Они прожили такую же долгую жизнь, как и ряд библейских персонажей, – 347 лет, а потому являются здесь живым воплощением связи прошлого и настоящего, теми, кто способен дать оценку событиям, описанным в хронике. Именно Парфений и Ксения противопоставляют безумию истории идеал любви, добра и милосердия. В своих интервью Е. Водолазкин не раз говорил о том, что нам есть чему поучиться у Средневековья, прежде всего «*более емкому, более обобщенному взгляду*» [10]. Этот взгляд проясняется, когда Парфений и Ксения рассуждают о том, чем средневековый человек отличался от человека Нового времени:

«Все дело в том, что в центре средневекового мира был Бог, а в центре нынешнего – человек. Бог один для всех, и потому взгляд Средневековья – это взгляд сверху, ведь только сверху можно охватить всех. <...> Сейчас же, когда в центре мира человек, взглядов много – как людей» [9, с. 44].

«Взгляд сверху» позволяет сделать главным критерием оценки исторических событий «вечностное» измерение. Хроника свидетельствует, что почти в каждую эпоху были свои мудрецы и пророки, стремящиеся пробуждать «чувства добрые» в душах людей, кто, пренебрегая временем, которое «*в конечном счете суть одно и то же*», что смерть [Там же, с. 15], напоминал современникам о вечности. Примечателен в этом плане комментарий Парфения:

«Историю Острова писали монахи: <...> лишь сосредоточенный на вечности способен отразить время, а земное лучше всего понимает тот, кто думает о небесном» [Там же, с. 13].

В целом логика авторской мысли в романах Е. Водолазкина связана с верой в возможность победы добра над злом в душе человека. Этому подчиняется и функционирование исторического дискурса в «Оправдании Острова». История определяется здесь как «*путь, по которому идет человек. На этом пути можно умножать добро или сеять зло, и это зависит от выбора каждого*» [Там же, с. 403]. Хотя в финале романа, как и у М. Е. Салтыкова-Щедрина, «*земля затряслась и солнце померкло*», но история не «*прекратила течение свое*» [11, с. 472] и природная катастрофа как проявление Божьего гнева не поглотила Остров, подобно Содому и Гоморе. «*Бывший еще вчера озлобленной толпой, в ту ночь народ*

превратился в собор граждан, сонгм милосердных» [10, с. 401]. И небо посветлело, подземные толчки стихли. Ради этого Парфений и Ксения, следуя словам пророчества, взойшли на Гору для «спасительной беседы» с Ним и остались там.

Важно заметить, что в прозе Водолазкина «взгляд сверху» отнюдь не исключает осознание ценности простых земных вещей, заключающих в себе напоминание о вечном. Их роль особенно значима в главах о детстве, которые присутствуют во всех романах писателя и составляют резкий композиционный и стилистовый контраст по отношению к тем страницам, где речь идет о безумствах большой истории. Движение времени в детстве замедляется или растягивается, что позволяет, как будто под микроскопом, рассмотреть каждую деталь, услышать каждый звук, почувствовать запах, ощутить их значимость и запомнить на всю жизнь. В «Авиаторе» такие события, как, к примеру, «питье чая на веранде», названы «фундаментальными». Они «способны определять совершенно разные времена, а значит – универсальны» [12, с. 365]. Аналогичные «фундаментальные» события (стрекот кузнечиков, звук падающих яблок в саду, скрип калитки, хорошая беседа, чтение бабушкой «Робинзона Крузо») мы встречаем и в других романах писателя.

В свое время М. М. Бахтин писал, что «возвеличение <...> жизненной детали, мелочи, подробности» [13, с. 304] является одной из особенностей сентименталистской поэтики. Ученый подчеркивал, что именно сентиментализм впервые поставил во главу угла «эмоциональное богатство» человека, «интимные связи между внутренними людьми» [Там же]. В творчестве Е. Водолазкина мы наблюдаем своеобразную реабилитацию этой тенденции. Разумеется, речь идет не о реанимации сентиментализма как направления в искусстве, а о том, что проявляет себя через «тоналность слова, любого словесного образа» [Там же, с. 614]. В прозе Е. Водолазкина особая «тоналность» связана со значимостью чувственного, сенсорного опыта, рожденного пониманием ценности всего того, что напоминает о гармонии частного существования (см.: [14]). Благодаря этому в анализируемых романах «взгляд сверху» дополняется «крупным планом». Первый позволяет понять, что есть вечное, а что временное, а второй отражает связь вечного и земного.

Список источников

1. Кротова Д. В. Модели интерпретации проблемы времени в современном романе: «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова. // Вестник Московского государственного областного

университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 96–105.

2. Маглий А. Д. Времени нет. Евгений Водолазкин. // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 18–33.

3. Водолазкин Е. «Слово „подружка“ гораздо красивее, чем „герлфренд“» // Комсомольская правда. 10 сентября 2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26729.7/3755887/> (дата обращения: 10.05. 2023).

4. Бочкина М. В., Голубков М. М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188–197.

5. Водолазкин Е. Брисбен. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2019. 410 с.

6. Махилина Н. Г., Сидорова М. М. Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). С. 271–274.

7. Водолазкин Е. Совсем другое время. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2015. С. 5–374.

8. Водолазкин Е. Лавр. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2015. 440 с.

9. Водолазкин Е. Оправдание Острова. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2023. 405 с.

10. «Где роковая развилка истории, с которой начались наши беды?» – Евгений Водолазкин о «Чагине» и неочевидной правде о прошлом. // Православный журнал «Фома». 25 февраля 2023. URL: <https://foma.ru/gde-rokovaya-razvilka-istorii-s-kotoroj-nachalis-nashi-bedy-evgenij-vodolazkin-o-chagine-i-neochevidnoj-pravde-o-proshlom.html> (дата обращения: 10.05. 2023).

11. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10 томах. М.: Правда, 1988. Т. 2. С. 293–482.

12. Водолазкин Е. Авиатор. М.: Изд-во АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2016. 410 с.

13. Бахтин М.М. Собр. сочинений в 7 т. Т.5. М.: Русские словари, 1997. С. 304–305; С. 614.

14. Прохорова Т. Г. «Новая сентиментальность» в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 216–232.

References

1. Krotova, D. V. (2017). *Modeli interpretatsii problemy` vremeni v sovremennom romane: "Lavr" E. Vodolazkina, "Miusskaya ploshhad`" M. Golubkova* [Models of Interpretating the Problem of Time in the Modern Novel: "Lavr" by E. Vodolazkin and "Miusskaya Square" by M. Golubkov]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No. 4, pp. 96–105. (In Russian)

2. Maglii, A. D. (2016). *Vremeni net. Evgenii Vodolazkin* [There Is No Time. Evgeny Vodolazkin]. *Voprosy literature*. No 2, pp.18–33. (In Russian)

3. Vodolazkin, E. (2017). *"Slovo "podrzhka" gorazdo krasivee chem "gerlfrend"* [The Word "Podrzhka" Is Much More Beautiful than a "Girl-

friend”]. Komsomol'skaya pravda 10 sentyabrya. URL: <https://www.kp.ru/daily/26729.7/3755887/> (accessed: 10/05 2023). (In Russian)

4. Bochkina, M. V., Golubkov, M. M. (2018). *Ponyatiya “istoricheskogo” i “neistoricheskogo” v e'steticheskii i filosofskoi sisteme romana “Aviator” E. Vodolazkina* [The Concepts of “Historical” and “Non-historical” in the Aesthetic and Philosophical System of the Novel “The Aviator” by E. Vodolazkin]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. T. 23. No. 2, pp. 188–197. (In Russian)

5. Vodolazkin, E. (2019). *Brisben* [Brisbane]. 410 p. Moscow, AST, Red. Eleny` Shubinoi. (In Russian)

6. Makhinina, N. G., Sidorova, M. M. (2016). *Istoricheskoe vremya v romane E. Vodolazkina “Lavr” (k postanovke problemy)* [Historical Time in E. Vodolazkin's Novel “Laurus”]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (44), pp. 271–274. (In Russian)

7. Vodolazkin, E. (2015). *Sovsem drugoe vremya* [A Completely Different Time]. Pp. 5–374. Moscow, AST, Red. Eleny` Shubinoi. (In Russian)

8. Vodolazkin, E. (2015). *Lavr* [Laurus]. 440 p. Moscow, AST, Red. Eleny` Shubinoi. (In Russian)

9. Vodolazkin, E. (2023). *Opravdanie Ostrova* [Justification of the Island]. 405 p. Moscow, AST, Red. Eleny` Shubinoi. (In Russian)

10. “Gde rokovaya razvilka istorii, s kotoroi nachalis` nashi bedy`? – Evgenii Vodolazkin o “Chagine” i neochevidnoi pravde o proshlom” (2023) [“Where Is the Fatal Fork in the History that Started Our Troubles?” Evgeny Vodolazkin about “Chagin” and the Non-Obvious Truth about the Past”]. Pravoslavny`i zhurnal “Foma”. 27 fevralya 2023. URL: <https://foma.ru/gde-rokovaja-razvilka-istorii-s-kotoroj-nachalis-nashi-bedy-evgenij-vodolazkin-o-chagine-i-neochevidnoj-pravde-o-proshlom.html> (accessed: 10.05.2023). (In Russian)

11. Saltykov- Shchedrin, M. E. (1988). *Sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Collected Works in Ten Volumes]. T. 2, pp. 293–482. Moscow, “Pravda”. (In Russian)

12. Vodolazkin, E. (2016). *Aviator* [The Aviator]. 410 p. Moscow, AST, Red. Eleny` Shubinoi. (In Russian)

13. Bakhtin, M. M. (1997). *Sobr. sochinenij v 7 t.* [Collected Works in 7 Volumes]. T. 5, pp. 304–305; 614. Moscow. Russkie slovari. (In Russian)

14. Prokhorova, T. G. (2019). “Novaya sentimental'nost'” v romanakh M. Shishkina “Pis'movnik” i E. Vodolazkina “Aviator” [“New Sentimentality” in the Novels “The Letterman” by M. Shishkin and “The Aviator” by E. Vodolazkin]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. No. 59, pp. 216–232. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2023

Поступила в редакцию 15.05.2023

Прохорова Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Марийский государственный университет,
424001, Россия, Йошкар-Ола,
пл. В.И. Ленина, 1.
tatprohorova@yandex.ru

Prokhorova Tatyana Gennadievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Mari State University,
1 V. I. Lenin Square,
Yoshkar-Ola, 424001, Russian Federation.
tatprohorova@yandex.ru